

Она тихо вошла в его жизнь и своей юной красотой озарила душу опального поэта вдали от друзей и светских развлечений. Перед ним вдруг явилась «прелесть молодая, полурасцветившая в тиши». Потом эта страсть отозвалась в творчестве Пушкина образами его героинь из «Русалки», «Барышни-крестьянки» и других, навеянных воспоминаниями о Михайловском, Тригорском.

Более сотни лет понадобилось пушкинистам, чтобы разгадать тайну «крепостной любви» поэта, о которой он сам первый написал своему другу П.А. Вяземскому в мае 1826 года с просьбой о содействии молодой крестьянке: «...Письмо тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил... Приюти ее в Москве, а потом отправь в Болдино. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке... Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню - хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей богу...».

Крепостная любовь Пушкина

Ей было 18 лет, когда в 1824 году А.С. Пушкин прибыл в ссылку в псковское имение своей матери село Михайловское, затерявшееся среди соснового леса и широкого простора лугов на берегу сонной Сороти. И вскоре здесь он приметил привлекательную дворовую девушку «...Подругу дней моих, невинную, простую...» Именно о ней написал в своих заметках И. Пущин, посетивший лицейского друга в деревне: «Я тотчас заметил одну фигурку, резко отличающуюся от других». А восторженный Пушкин сравнивал ее с Эдой, героиней поэмы Е. Баратынского:

*Отца простого дочь простая,
Красой лица, души красой,
Блестала Эда молодой...*

Она еще только начинала расцветать среди мирных полей, зеленых дубрав

и гор, тем пленила поэта и сама поддалась его бурной страсти, несмотря на косые взгляды и насмешки окружающих, в том числе и обитателей Тригорского. Пушкин отвечал им искрометным стихом: «Смеетесь вы, что девой бойкой пленен я, милой полумойкой...»

Одна только Арина Родионовна покровительствовала этой любви. Ни в чем не могла она отказать своему пылкому воспитаннику.

Какое же имя носила эта очаровательная «крепостная любовь» поэта? Было ли это кратковременным его увлечением?

Ответ на этот вопрос многие годы искали исследователи творчества А.С. Пушкина. И только в 1928 году в книге П.Е. Щеголева «Пушкин и мужики» в главе «Крепостная любовь поэта» по-

явилось имя Ольги Михайловны Калашниковой. Именно ею, по мнению автора, поэт был искренне увлечен. Это не было только прихотью, мимолетной страстью молодого барина. Вынужденно расставшись с ней в 1826 году, Пушкин чувствовал себя виноватым в ее искаленной судьбе и как мог содействовал в ее изменении. Так, в 1950-е годы профессор Горьковского университета С. А. Орлов в Госархиве Горьковской области обнаружил дело о выдаче вольной Ольге Калашниковой, о чем он написал в своей книге «Болдинская осень», Горький, 1962. А через десять лет И. Воробьев опубликовал статью «Новое о «крепостной любви» Пушкина» в журнале «Вопросы литературы».

По мнению П. Щеголева, связь с крепостной девушкой продолжалась

у Пушкина больше года вплоть до ее отъезда в Болдино Нижегородской губернии. Она отправилась туда вместе со своим отцом Михаилом Ивановичем Калашниковым. Он уже с января 1825 года был управляющим имения Пушкиных сначала в Болдино до октября 1833 года, а потом Кистенева. Здесь вскоре 1 июля 1826 года Ольга родила сына, о чем свидетельствует запись в метрической книге Успенской церкви села Болдино за 1826 год. В графе «У кого кто родился» под номером 24 записано: «Крестьянина Иакова Иванова сын Павел, крещен 4 июля». Мать ребенка была записана крестной матерью. Это можно объяснить тем, что по практике того времени незаконнорожденное дитя ожидал воспитательный приют. Ольга Калашникова со своим отцом решили записать ребенка под чужим именем Иакова Иванова, что давало право крестной матери воспитывать мальчика. Но младенец Павел прожил очень короткую жизнь – всего два месяца.

А как же Пушкин? Какое участие он принял в дальнейшей жизни своей «крепостной любви»?

Как человек чести и благородства, удалив от себя Ольгу, он не оставлял ее без помощи и поддержки. В свой приезд в Болдино ранней осенью 1830 года, период знаменитой Болдинской осени, очень творчески плодотворной, когда Пушкин надолго там задержался из-за холеры до самого конца ноября и по просьбе Ольги подготовил документы для оформления ей вольной. Она была составлена уже 4 октября 1830 года, но должна была быть заверенной Надеждой Осиповной, матерью поэта, чьей крепостной числилась Калашникова. И только через восемь месяцев отпускная была предъявлена в уездный суд для утверждения и вручения. Как раз эта запись в книге Лукояновского уездного суда и была обнаружена профессором Орловым в архиве Горьковской области. Вот что там написано от 2 июня 1831 года: «Прошение отпущеницы от господина 10 класса Александра Сергеевича Пушкина дворовой девки Ольги Михайловны Калашниковой, при котором представила отпускную вышеназначенным господином Пушкиным к явке. Приказали: прошение в повыгье отдать... через Лукояновскую почтовую контору к отцу отпущеницы прислана 25 мая 1831 года, то ея записать в книгу и, учиня на ней, что явлена, подлежащую запись с описанием росту и примет отпущеницы, выдать оную ей с распискою».

Отсюда следует, что Ольга с июня 1831 года получила вольную. Жаль только, что не сохранилась сама от-

пускная с описанием «росту и примет Калашниковой». Хотя известно, что она была мила, красива и добра, «выделялась девичьим убором и миловидностью». И ей всего 25 лет. К тому же и отец приглядел для нее подходящего жениха, вдовца 35-ти лет, имеющего сына семи лет, дворянина, владельца небольшого имения в селе Новинки Горбатовского уезда. Их венчание состоялось через три месяца после получения Ольгой вольной, т.е. 18 октября 1831 года, о чем опять гласит запись в метрической книге церкви села Болдина: «Кто именно венчаны: ...Нижегородской губернии Горбатовской округи села Новинки помещик, а ныне в городе Лукоянове при земском суде член дворянского заседателя титулярный советник Павел Степанов Ключарев, села Болдина г-на Сергея Львовича Пушкина управляющего и дворового его человека Михайлы Ивановна Калашникова, с вольноотпущенною дочерью девицею Ольгою, жених вторым, а невеста первым браком».

Так, бывшая крепостная Ольга Калашникова стала дворянкой Ольгой Михайловной Ключаревой, о чем ее отец тут же известил А.С. Пушкина, написав ему: «Зная ваши великие милости, не замедлю как перед богом и вас благодарить. Слава богу, судьба хотя с великим трудом кончена моей дочери. Сего октября 18 числа повенчали, титулярный советник, Ключарев и есть душ 30 крестьян в Горбатовском уезде...»

Но этот брак, заключенный как взаимовыгодный, не сделал Ольгу счастливой. Она очень скоро убедилась, что муж ее «пьяница и самой развратной жизни человек», к тому же оказался весь в долгах. Уже в 1834 году после длительной тяжбы с кредиторами Ключарев теряет свое новинское имение и вновь поступает на службу. Он даже писал Пушкину с просьбой о денежной ссуде в две тысячи рублей от имени своей жены, чтобы выкупить новинское имение. Видимо, Ольга получила эти деньги, так как вскоре она приобрела движимое и недвижимое имущество, оформив все на свое имя: за 400 рублей купила крепостную Стефаниду Мартынову с дочерью и ее сыном и приобрела собственный дом в Лукоянове. Но Ольга была несчастна не только в замужестве, но и как женщина-мать. Оба ее сына, родившиеся друг за другом, Михаил и Николай, как и сын Пушкина Павел, умерли во младенчестве, прожив два-три месяца. Поэтому разрыв семейной жизни Ключаревых стал неизбежным. Сам Ключарев за провинность по службе попал под суд, лишился должности, а потом переехал жить в Нижний

Новгород и проживал там в каких-то дешевых квартирах.

А Ольга Калашникова еще две осени подряд встречалась с Пушкиным, когда он приезжал в Болдино в 1833 и 1834 гг. Вероятно, под впечатлением встречи с Ольгой Пушкин написал стихи, которые долгое время находились в черновиках поэта:

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! Уж не бывать!
Прошли восторги и печали,
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

Только воспоминания о сильной страсти и любви могли родить эти строки, да и Ольге тогда было всего 27 лет. Но первое впечатление скоро прошло и оба поняли, что возврата к прежним отношениям, конечно, быть не может. Жизнь расставила все на свои места. Это подтвердила их последняя встреча в 1834 году там же в Болдино. Пушкин приехал туда измученный постоянными заботами о средствах на содержание быстро растущей семьи и придворными интригами. А Ольга была в горе. Она потеряла только в августе своего последнего трехмесячного сына.

Так закончилось «влечение томное души» к крестьянке, судьба которой неоднократно пересекалась с жизнью гениального поэта всего в четырех верстах от главного тракта, ведущего прямо в наш Симбирск.

Но Пушкин не смог совсем забыть Калашникову. Об этом свидетельствует его приписка к письму Пеньковскому от 14 июля 1836 года, управляющему Болдина: «О Михайле и его семье буду к вам писать». Тогда при отце, который уже не служил в Болдине, вместе жили и Ольга, и брат ее Гавриил. У нее уже не было ни дома, ни крепостных.

И последнее. Известно, что в декабре 1840 года Михаил Иванович Калашников по поручению Натальи Николаевны установил памятник на могиле поэта при Святогорском монастыре, завершив этим свою службу Пушкину. Жили Калашниковы в это время в Петербурге вместе с Ольгой. А ей еще только 34 года. Воспоминания огромного, пусть короткого счастья «крепостной любви» продолжали греть ее душу и давали силу жить дальше, чтобы более чем через полтора столетия вызвать к себе интерес и увековечить свое имя рядом с Пушкиным.

Зумера Богатеева

рис. Ю. Иванова